

Все мы знаем историю Колобка, этого безответственного хлебобулочного изделия. Ещё будучи детьми, затаив дыхание, слушали мы о его приключениях. Наиболее чувствительные при этом даже плакали. Но никому и в голову не приходило поинтересоваться, а что же покинутые бабка с дедом? Как складывалась их нелёгкая судьба? Ведь на тот колобок, если помните, были собраны последние крохи продуктов.

Старички же, вернувшись на кухню и не обнаружив колобка на подоконнике, сначала, естественно, опешили, потом с подозрением прищурились друг на друга, после чего синхронно побожились и вздохнули с облегчением. Раз никто из них колобка не ел, значит, он где-то здесь. Не понаслышке зная о коварстве склероза, стали искать по всему дому. Тщетно!

Выпив по таблеточке от давления, сели передохнуть. Вопрос «что делать?» навис дамокловым мечом. Но тут

думай – не думай, а продуктов нет, денег нет и до пенсии ещё как до луны пешком. Решили у соседей немного мучки занять. Те вошли в положение, не отказали.

И вот пока бабка стряпала, дед всё сидел и думал, куда же тот колобок мог подеваться. По всему выходило, что кто-то его стащил с окошка. А баба уже и новый испекла, и снова его на подоконник остывать поставила. Старик, не будь дураком, вышел из дома и в кустах под окном спрятался на тот случай, если воришка снова нагрянет.

Сидит, значит, дед в засаде и вдруг видит: колобок с подоконника – прыг и в лес покатился. Прodelай паршивец всё это молча, дед бы, конечно, его догнал. Но он же, гадёныш, ещё и песенку горланил при этом! Дед от неожиданности и тормознул, потом спохватился, да уж поздно было.

Голодный и злой побежал обратно в дом. Бабка к нему:

– Куда же это опять колобок-то подевался?!

Но старик молча отстранил супругу, схватил с комода кредитку, впаренную им накануне каким-то банком, якобы на крайний случай, и был таков.

Вернулся с мешком муки, ящиком яиц и жбаном подсолнечного масла. Велел бабке снова тесто заводить на несколько колобков сразу. Сам же, нацепив очки, внимательно стал наблюдать за процессом, корректируя и записывая в тетрадочку, вносимые в рецептуру изменения.

Однако, несмотря на все ухищрения, опытная партия колобков тоже сбежала!

– Чего ты их круглыми-то такими лепишь?! – придирился дед к жене.

– Так поднимаются, – оправдывалась та, разводя руками.

– Подыма-а-аются, – передразнивал он супругу. – Дрожжей не клади! И яиц поменьше, чтоб не пружинили!

Из новой партии в лес укатилась только половина выпечки. Но радость стариков была недолгой – оставшиеся оказались совершенно несъедобными.

Обитатели окрестных лесов поначалу пришли в замешательство от нашествия колобков. Столько сдобы, путающейся под ногами и пристающей с нахальными песенками, местное зверьё в жизни не видело, но быстро разобралось в ситуации и раздобрело, по достоинству оценив новую пищевую добавку, за которой к тому же не надо было рыскать по чащобам.

Жизнь в лесу стала сытой и неспешной, а набитое хлебом брюхо требовало зрелищ. По вечерам звери собирались на поляне послушать хор колобков. Тех, кто фальшивил, съедали, но без аппетита, исключительно ради любви к искусству.

А бабка с дедом всё продолжали ставить опыты, экспериментируя с ингредиентами, меняя форму изделия и сам процесс выпекания. Пока однажды разопревшая от жара печи и издёрганная затянувшейся нервотрёпкой старуха не швырнула перед дедом сковородку с запечённым на дне тонким слоем теста.

– Всё! Хватит с меня! – заявила она мужу, снимая передник. – Хочешь – ешь! А не хочешь – как хочешь.

Старик заглянул в сковороду. Тонкий слой теста, равномерно покрывавший доньшко, хорошо прожарился и выглядел очень даже ничего. Дед не стал его студить, дабы лишний раз не искушать судьбу. Он просто поддел его ножичком, обжигая пальцы, сложил уголочком и откусил, а потом и доел, макая в сметану.

– И чего? Вкусно, что ли? – недоверчиво спросила бабка.

– Ага! И ведь я сразу тебе говорил – делай плоскими!

Дед, довольный собой, аккуратно занёс в тетрадочку результаты последнего опыта, подчеркнув красным карандашом как удачные. А баба, надев передник, снова встала к плите.